

*Отношения - это всегда
работа двоих.*

**Анатомия
одной семьи**

Роман

**НАТАЛИЯ
МИРОНИНА**

Счастливый билет

Наталия Миронина
Анатомия одной семьи

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Анатомия одной семьи / Н. Миронина — «Эксмо»,
2020 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-04-104299-8

Когда двое очень хотят быть вместе, то способны порвать со старой жизнью и начать все с нуля. Олег Федотов был большим начальником в Озерске и уже несколько лет жил в гражданском браке. Встретив Инну Соломатину, свою первую любовь, и узнав, что она до сих пор любит его, Федотов решает все бросить и уехать к любимой в Москву. Теперь они вместе. Олег нашел работу, квартиру, сделал предложение. Казалось бы, вот оно, счастье. Но брак – это тоже испытание. Быт, ребенок, банальная ревность – хватит ли силы чувств, чтобы остаться вместе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104299-8

© Миронина Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Вступление [1]	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	20
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталия Миронина

Анатомия одной семьи

Вступление ¹

Час был ранний. Зрителей было немного. Три тетки пенсионного возраста да две молодые мамы с колясками. Эти пятеро сидели на одной длинной скамейке аккурат против Дворца бракосочетания и внимательно наблюдали за происходящим. А на высокой лестнице стояла худенькая невеста в нежно-голубом костюме, с букетиком ландышей и с кружевной накидкой на пышных волосах. Именно эта накидка и вызывала живейший интерес.

– Брюссельские кружева, – с видом знатока произнесла одна из мамаш, – я такие хотела, да дорого очень.

– Фи! – сказала вторая. – Что ж тут дорогого?! Кусочек в полметра!

– Дорого! – упрямо повторила первая, видимо, вспоминая свою свадьбу.

– Красивая невеста, но не молодая уже, – проговорила одна из пенсионерок.

– Это ты не молодая уже, – оборвала ее другая, – тоже мне... Хороша девка. Очень хороша. И фата красивая, богатая.

Третья пенсионерка ничего не сказала. Она внимательно смотрела, как из подъехавшей машины вышел статный красивый мужчина. Вышел и стал подниматься по ступенькам.

– Батюшки, – выдохнули тут все зрительницы, – хромой. Калека. С палочкой!

– Может, временно? Ну, типа, шел-шел, ногу ударил о камень, – вслух предположила молодая мамаша.

– Нет, давно такой, видишь, как ловко он с этим костылем управляется, – сказала одна из пенсионерок.

– И ведь полюбила! – обрадовалась вторая мамаша. – Полюбила! Вот, я всегда говорила, что полюбить любого можно! Понимаешь, любого!!!

– Ой, да ладно! Скажешь тоже, любого! Этот, наверное, богатый. А она – бедная, – отмахнулась первая мамаша.

– Смотрите, смотрите, как она рада ему! А это ее родители... А его где?

Группа людей на высоком крыльце Дворца бракосочетания заволновалась, заколыхалась и стала просачиваться в широкие двери.

Наконец исчез последний приглашенный. Зрительницы посидели еще немного, посплетничали об увиденном и стали потихоньку расходиться.

¹ Первую часть истории Инны Соломатиной читайте в романе «Ищи меня за облаками».

Часть первая

Преддверие жизни

Глава первая

Про прошлую жизнь и кружевную фату

Как это было? Инна задумалась. И вспомнила тот день, когда Олег Федотов встретил ее в Шереметьево. Мелочи, детали уже забылись – все же почти два года прошло. Но главное – чувство радости осталось. Когда Соломатина увидела Олега, она вдруг поняла, что все это время жила ради этого момента. Инна помнила, как в щегольской летной форме вышла из служебного входа аэропорта Шереметьево, как стучали ее каблучки, как чуть позади плелась Варя. Потом от толпы встречающих отделился Федотов. Он шел быстро, помогая себе тростью.

– Это он? – вдруг в спину ей спросила Варя. – Это тот, которого вы любили, и тот, чей звонок вы прождали всю жизнь?

– Да, это он, – тихо ответила Соломатина.

– Ну и дура вы, Инночка, – непочтительно проговорила Варя. – Вы бы всю жизнь могли прождать. И не дожидаться. Понимать же надо...

И Соломатина не рассердилась на эту резкость. Соломатина легко согласилась. «Да, я была душой! Кто же спорит?!» Инна помнила, как, улыбаясь, смотрела на приближающегося Федотова. А сердце ушло в пятки.

– Привет, – сказал Федотов и обнял Инну.

– Знаешь, я никуда тебя не отпущу. Вот хоть тресни ты на этом месте! – ответила тогда Соломатина.

Инна точно помнила эти свои слова. Сейчас, выбирая платье и фату, она повторила эти слова. «Не отпущу! Никуда его не отпущу. Что я, зря все это время ждала?» – сказала она сама себе и повернулась к продавщице.

– Вот эти. Эти кружева для фаты.

– О да, – улыбнулась та, – они очень красивые.

Впрочем, платье и фата – это были приятные итоги. Этим итогам предшествовали сложные разговоры и еще более сложные поступки.

Тогда, в Шереметьево, они сначала пили кофе в местном баре, разговаривали о пустяках, о том, какое впечатление произвел Осло, какая там погода, как прошел полет.

– Слушай, я так и не привык к мысли, что ты стала стюардессой. Вот уж виражи так виражи!

– Олег, это временно, хотя и очень нравится. Я собираю материал для научной работы. Меня интересует психология в условиях постоянного стресса.

– А перелеты для профессионала – это стресс?

– Любая перемена привычной среды обитания – стресс. Что небо, что вода, что горы.

– То есть ты добровольно, ради науки, так сказать... – улыбнулся Федотов.

– Да, добровольно, ради науки... Я и летать научилась ради науки.

– Ты летаешь? Как летчик?

– Да, у меня лицензия есть.

– Господи, Инна! – развел руками Олег и тут же добавил: – Впрочем, все ожидаемо.

– Что ты хочешь сказать?

– Я же тебя помню той Инной, которая пришла волонтером в больницу, опекала меня и однажды не подала мне костыль.

– Я сделала это специально. Ради тебя.

– Это было жестоко. Я ненавижу тебя. Ты мне казалась злобной стервой. А еще – маленькой карьеристкой. Такие в школах бывают.

– А когда ты понял, что я не такая?

– Позже. Когда меня выписали. Когда вернулся в интернат. Я о тебе думал все время. И зауважал за то, что тебе хватило духу так вести себя. Ты не жалела меня. Для этого нужен характер. И вот сейчас он еще раз проявился.

– Ты захвалишь меня. Я сделала много ошибок в этой жизни.

– А кто их не сделал? И я тоже ошибался.

– Кстати, – закашлялась Соломатина, – ты не удивился, что я позвонила из Осло?

– Нет. Я ждал твоего звонка.

– Что? Так вот и ждал? Буквально каждый день? А сам между тем после нашей встречи в Озерске ни разу не объявился!

Федотов молча улыбался. Соломатина смутилась. Она опять вспомнила слова своей напарницы Вари: «Ну и дура вы, Инночка. Вы всю жизнь могли прождать. Понимать же надо!..»

– Федотов! – решительно начала Соломатина. – Федотов! Понимаешь, я хочу сказать, что я хочу выйти за тебя замуж. Стоп! Не перебивай...

– Да я не перебиваю, – посмеивался Федотов.

– И хорошо. Иначе я никогда тебе этого не скажу. Олег, вот нам с тобой уже за тридцать... не будем уточнять, как далеко.

– Мне так уже тридцать шесть, – рассмеялся Федотов, – если я ничего не путаю.

Соломатина посмотрела на него строго:

– Не перебивай. Я собою с мысли.

– Извини.

– Так вот. Я хочу сказать, что делаю тебе предложение. Руки и сердца. Я хочу стать твоей женой.

Повисла пауза. Женский голос сообщил о посадке еще одного лайнера и предупредил о том, чтобы пассажиры не доверяли свои вещи незнакомым людям. Федотов внимательно смотрел на Соломатину, та старательно что-то искала в сумочке. Молчание затягивалось.

– Ну что ты будешь делать! Не могу найти помаду. Она вечно теряется, – пробормотала Инна, и в ее голосе послышались слезы, – да не смотри ты на меня так, Федотов!

Она в сердцах швырнула салфетку в чашку с кофе.

– Иди ко мне, летчица моя! Что же с тобой делать, железная моя женщина?!

– Женись, – пробормотала Инна, взяла руку Федотова и уткнулась в нее лбом.

– Я не могу.

– Знаю. Татьяна твоя, я в Озерске вас видела. Ты любишь? Вы поженились? У вас дети, да?

– Мы не поженились и детей нет. Люблю ли? – Олег замолчал. – Ты же понимаешь, я не могу сейчас о ней говорить. Нехорошо это. Хотя если уж ты спросила. Татьяна – это другое. Я – счастье для нее. Ты – счастье для меня. И мне страшно причинить вам обоим боль. Сейчас разбить ее жизнь. А потом – осложнить твою.

– Понимаю. Но как же мы? Так ведь не бывает – столько вместе пережить...

– Инна, – Федотов мягко отнял у нее свою руку, – мы с тобой ничего не пережили. Мы встретились, будучи школьниками. Глупыми, дерзкими и не очень соображавшими, что к чему... И потом мы не встречались. Переписывались, но встреч почти не было.

– Почти не было...

– Хорошо, были, но ты же сама понимаешь... Этого мало.

– Понимаю, Федотов, – Инна вдруг перестала психовать. Она поняла, что это последний их разговор. После они уже ничего не смогут сделать.

– Я все понимаю, Олег. И думаю, дело в твоей ноге. В том, что у тебя инвалидность. И в том, что, разговаривая со мной, ты забываешь о том, что победил все, включая диагнозы и прогнозы врачей. Что там тебе доктор говорил? Что на всю жизнь два костыля. И почти лежащий образ жизни. А что мы имеем? Мы имеем успешную карьеру. Да, ты не ученый-математик. Хотя и мог бы им стать. Если бы не испугался. Но ты и так многого достиг. Ты инженер-строитель, общественный деятель. Тебя знает весь Озерск и половина Москвы. Я наводила справки. И знаешь, почему ты сейчас вспомнил свою инвалидность? Потому что ты боишься стать обузой. Ты боишься, что мне достанется муж-калека. Так вот, ты можешь этого не бояться. Мне все равно, как ты ходишь. Мне важно, что между нами было чувство. И что со временем оно никуда не делось. Понимаешь? Ни мой Антон, ни твоя Татьяна не могут заслонить то, что когда-то возникло. И если со стороны это покажется смешным, то мы-то с тобой знаем, чувствуем, что оно есть. Только надо признаться себе в этом. А ты трусишь. Я – нет. Я не боюсь. Я поэтому и позвонила тебе. Я понимаю, что время не наш союзник. И надо спасти то, что было. И потом, я тебя люблю. Знаешь, есть такое чувство, которое не обжигает, но согревает, как хороший камин. И долго держит тепло. Чтобы не происходило в моей жизни, я всегда помнила о тебе. И этим нельзя пренебречь.

Соломатина замолчала и отпила кофе из федотовской чашки. Потом она слезла с высокого табурета и сказала на прощание:

– Я через четыре дня опять улетаю. И улетаю на неделю.

Подхватив чемоданчик, она вышла из бара. Федотов остался.

Они опять летели на другой конец земли. Соломатина рассказывала Варю о встрече с Федотовым.

– Вот дурак какой! Какой дурак! – причитала стюардесса Варя. И нельзя было взять в толк, о ком она. О Федотове или о своем женатом командире воздушного судна.

– Да, дурак, – отзывалась Инна.

Они только что закончили кормить пассажиров. В салоне пахло кофе. До приземления оставался час с небольшим. Соломатина подумала о том, что теперь в воздухе ей гораздо лучше, чем на земле. Здесь можно много думать, планировать и оставлять все на «потом». Это успокаивало. На земле что-то тянуло к незамедлительным и решительным действиям. «Все, хватит действий, уже поставила себя в дурацкое положение!» – вспоминала Соломатина последний разговор с Федотовым. Она не жалела о нем, но воспоминания были тягостными.

– Инночка, как вы думаете, этот ваш Федоров встретит вас сегодня? – спросила Варя. Соломатина безошибочно поняла природу интереса. Как все неудачно влюбленные, Варю важно было понять, насколько несчастливее ее Соломатина.

– Думаю, нет. Между нами все кончено, – сухо ответила Инна.

– Да что вы, не думайте так, – тут же воодушевленно воскликнула Варя, – вот мой КВС тоже говорил, что больше не позвонит мне. А накануне отлета часа три проговорили...

Варя хихикнула. «Этим разговором она «живет» весь полет», – поняла Инна. Пока подруги переживали в небе, на земле Олег Федотов решал свои проблемы.

* * *

Озерск, город маленький и тихий, жил предчувствиями судьбоносных изменений. Стройка огромного многоцелевого комплекса, которая завершалась на берегу озера, подходила к концу и сулила невероятный взлет общественной и экономической жизни. Горожане строили планы – должны были появиться новые рабочие места, новые транспортные маршруты, ожидался наплыв туристов, и командировочных, и любопытствующих. Город теперь имел не только удивительное озеро, но и огромный комплекс, в котором разместились отели, концертные

залы, спортивные арены, магазины и многочисленные офисы. «Город в городе» мог вместить тысячи людей. Железнодорожное расписание претерпело изменения – добавили два регулярных поезда из Москвы и один из Питера. Городское жилое строительство набирало обороты.

– Даже не знаю, что теперь будет! Приходится расширять отдел, – сказала вечером Олегу Татьяна, когда он приехал с «объекта» и сел ужинать. – Слышишь, что говорю? Люди нужны. Но где взять таких? Толковые по столицам разбежались! Кстати, как у тебя дела? Ты был у мэра?

– Не успел, – мотнул головой Федотов.

– Не затягивай, решение о твоём назначении принято. Я точно знаю. Но к мэру надо сходить. Сам понимаешь, засвидетельствовать.

Федотов сам все знал. Его утвердили на должность начальника отдела строительства и городского хозяйства. Это был небывалый карьерный скачок. Впрочем, тот, кто его назначал, знал, что делал. Федотов был движущей силой этой огромной стройки. Он станет движущей силой всего городского хозяйства. И дел у него будет невпроворот. И ответственности тоже. Федотов не боялся ни того ни другого. Назначение воспринял сдержанно. Но сейчас Олег рассеянно поводил ложкой по тарелке и промолчал.

– Господи, да что с тобой? – обеспокоенно воскликнула Татьяна.

– Устал, – наконец произнес Олег. Потом он взялся за сигареты: – Знаешь, я пойду покурю. – Федотов вышел из кухни, опираясь на трость.

Татьяна понюхала недоеденный суп, потом зачерпнула ложкой, попробовала на вкус.

– Нормальный суп. Даже вкусный, – пожала она плечами. – Что это с ним?

Федотов вернулся минут через двадцать и вместо того, чтобы поддержать разговор Татьяны о нехватке дельных кадров и грядущих переменах, подвинул ей стул и попросил:

– Таня, присядь, я кое-что хочу рассказать.

Удивленная женщина села напротив Федотова.

– Я хочу переехать в Москву. Один. Ты прости, но так надо. Если я сейчас останусь – себе не прощу, тебя измучаю. И вообще все пойдет наперекосяк.

– Ты с ума сошел? Какая Москва? – посмотрела на него Татьяна. Она даже не успела удивиться расставанию, она удивилась федотовскому пренебрежению к его собственной карьере. – Какая Москва? Ты будешь королем города. Понимаешь, строительство, понимаешь, хозяйство. Все городское хозяйство! Мне ли тебе объяснять!

– Я понимаю, – кивнул Федотов, – и все же.

– Спятил. Переутомился и спятил. Да за тебя такие люди поручились! – кипятилась Татьяна. Она, как человек чиновного мира, отлично понимала все расклады и знала, что означает такое доверие, которое оказывается сейчас Федотову.

– Таня, да плюнь ты на эти расклады. Ты не услышала главное, – поморщился Олег. – Таня, я один уезжаю в Москву.

– Да уезжай куда хочешь, – отмахнулась Юдина. – Голову снесло, что теперь делать!

Потом она внимательно посмотрела на него.

– Постой, так это не блажь? Это не закидоны? Это что-то другое. Понятно. Ты – дурак. Просто дурак. У тебя сейчас жизнь такая будет! Ты же карьерист, тебе это нравится! Ты на своем месте сидеть будешь. А ты из-за какой-то бабы. И меня, и строительство, и город... Бросаешь!

Татьяна вдруг поняла смехотворность своих слов и замолчала. А замолчав, осознала происходящее. Они расстанутся. Они, которые прожили не один год, привыкли друг к другу, вроде бы даже и полюбили друг друга, стали парой для всего города, должны расстаться.

– Кто она? Из здравоохранения, та, которая приезжала с проверкой, да? А, нет, та странная – с поэтами приезжала?! Весь город обсуждал, как ты ее на строительство возил. Я же все понимала... – Татьяна покраснела от гнева. – Нет-нет... Много времени прошло. Но нет,

это не она. Это Ниночка из библиотеки. Все тебе глазки строила: «Олег, возьмите, это новый детектив...»

Татьяна передразнила библиотекаршу с тонким голосом. Федотов даже не улыбнулся. Татьяна наблюдала за ним. «Господи, да это же позор! Это позор на весь город. Сначала наблюдали и сплетничали, что мы сошлись. Потом осуждали, что мы не поженились. Теперь будут говорить, что он меня бросил. Меня! Бросил!» Татьяну захлестнуло отчаяние. Она знала, что маленький город – безжалостный, перемелет их кости, даже не поперхнется. Федотову что – он уедет, а она останется. И потом, она же его любит. Любит его прямоту, его честность. Любит его красивое лицо, статную фигуру. Она даже не замечает его хромоту. Юдина бросила взгляд на Олега и выпалила:

– Уходи. Уезжай. Мне калека не нужен!

– Не говори так, меня этим не обидишь, а сама потом локти кусать будешь.

– Не буду. Я и не любила тебя. И мужики у меня были. Здоровые, без всех этих, – Татьяна изобразила скособоченность.

– Ну тогда, Таня, и обсуждать нечего. Я в гостинице пока поживу, за вещами завтра заеду.

Федотов встал, аккуратно поставил на место стул, вышел в прихожую. Через мгновение захлопнулась дверь. Юдина осталась сидеть в кухне.

По дороге в отель Федотов промок под дождем, но не спешил. Он уже понимал, что отсюда уедет. В любом случае. При любом развитии событий.

В отеле его встретили удивленно, но приветливо.

– Что это вы к нам? – удивилась администратор.

– Завтра рано на стройку. От вас ближе добираться, – нашелся Олег.

– Ага, тогда завтрак вам пораньше накроем. Машину вызвать?

– Да, спасибо.

Администратор уже знала, что Федотов без пяти минут большое, очень большое начальство, поэтому старалась. Впрочем, она бы и так старалась, но, может, не так официально. Ведь к Олегу в городе относились хорошо.

– Разбудите меня в шесть, ладно? – попросил Федотов.

– Даже не переживайте! – заверила дежурная и, как только Олег скрылся в лифте, набрала телефон подруги:

– Федотов ночует у нас, в отеле. Как же это его Татьяна отпустила?! Интересно, что бы это значило.

Пока дежурная сплетничала, Федотов принял душ, аккуратно развесил костюм и улегся на постель. Он не спал, а думал о том, что же такое он совершает сейчас и что же такое его отношение к Инне Соломатиной.

В романах и в кино случаются подобные повороты сюжета – герой встретил героиню и влюбился на всю жизнь. Читатель или зритель даже не спрячет улыбку – так наивно и неправдоподобно выглядят подобные истории. Но, с другой стороны, разве мы не встречали таких людей? Встречали. Не часто, но встречали. И даже, не отдавая себе отчета, завидовали этим людям. У них не было сомнений и мучительного выбора. Их чувство с самого начала было зрелым, а поступки ответственными. Так казалось нам, со стороны. И только они знали, что надо было пережить и через что пройти, чтобы сохранить это чувство.

История Инны Соломатиной и Олега Федотова, повстречавшихся еще в юности, была полна потерь. И главной потерей было – время. Именно эту роскошную вещь они растратили, и теперь оба стояли перед выбором – оставить все, как есть, или быть вместе, наверстывая упущенное. И Федотов выбрал второе.

Олег Федотов не забывал Инну Соломатину. Вот так смешно получилось – школьница-волонтер, в белом халатике, смешная, вредная, противная в своей настырности, запала в душу. Ведь ее поведение – жестокое и заботливое одновременно – он оценил тогда. Другой бы на его месте увидел бы только жестокость, но только не он, одаренный мальчик-математик из детского дома, из интерната. Он, знающий цену вниманию, он все понял правильно, хоть и обиделся тогда.

Федотов опять заворочался на постели. Он вспомнил, как хромал на двух костылях к лестнице. Вспомнил, как болела нога. Вспомнил, как жгла обида – почему именно он? Почему именно ему не повезло во время этой лыжной прогулки?! Почему он так сломал ногу?! Олег хорошо помнил чувство полной беспомощности после операции. Умывание, душ, туалет, одежда – все давалось ему с трудом. Пришли на помощь медсестры – они жалели сироту, к тому же из другого города. Но у медсестер было полно своих забот. И вот тогда появилась она – Инна Соломатина. Как же Федотов стеснялся! Своей хромоты, неподвижности и своего положения тяжелобольного человека. Она была такая опрятная, свежая, ладная, ее белый халатик скрипел от крахмала, а он пропах бинтами, грубым мылом и небрежным мытьем. И потом эта лестница, его ковыляние с костылями и этот злополучный, выпавший из рук костыль. Олег помнил, как деревяшка загремела по ступенькам, как он непроизвольно, растерянно оглянулся на сопровождающую его Соломатину. И он помнил ее лицо и то, как она не сдвинулась со своего места. И еще он помнил ее слова: «Твой костыль, ты сам и поднимай!»

Он поднял костыль. И с этого момента они не сказали друг другу ни слова. Странной, молчаливой парой они ходили по дорожкам больничного парка. Соломатина стала его тенью. Немой тенью.

А потом его выписали. Инна больше не приходила в больницу. И в конце концов он написал ей письмо. Вот только адреса ее не знал, поэтому адресовал письмо доктору, который его лечил, сопроводив просьбой разыскать Соломатину. Олег почему-то был уверен, что человек, который тоже так много сделал для него, не откажет и в этот раз.

Иногда Федотов спрашивал себя, что ему мешает жениться, завести детей, окончательно стать «оседлым» человеком. Ответа он не находил. Только пассивно ждал каких-то перемен и оправдывал свое бездействие тем, что не хочет быть обузой. «Как ни крути, как ни уговаривай себя, но надо помнить о главном: я – калека», – говорил он сам себе, когда становилось невмогуту от желания встретиться с Соломатиной.

Когда-то ему прочили блестящее будущее.

– Никто и ничто не встанет у тебя на пути. Ни конкуренты, ни твое нездоровье, – деликатно сказал ему профессор Московского университета во время собеседования. О встрече договорился интернат – как-никак Федотов был гордостью не только Озерска, но и всей области.

– Так вот, у тебя все козыри в руках. Главное, сам в себе не сомневайся, – повторил этот пожилой человек.

Федотов и не сомневался в себе – он знал, что решит все правильно. Поэтому пошел не в математическую науку, а в обычный строительный институт. Олег понимал, что должен уметь зарабатывать деньги. А наука – дело такое, иногда совсем неприбыльное. Учеба давалась легко, а еще появилась страшная злость, которая помогла преодолеть хромоту. То есть хромота осталась, а вот повадки изменились. Когда прораб Федотов приезжал на объект и месил костылем и больной ногой грязь, люди слушали его внимательнее и уважительнее. Впрочем, и организатором Олег был неплохим, и научился разговаривать в «серьезных кабинетах».

Карьера пошла вверх. Иногда по вечерам Олег вспоминал Инну Соломатину и гадал, как бы она отнеслась к его выбору и решениям. Если бы у Федотова был близкий ему человек, вникающий в жизненные коллизии, то он удивился бы такой привязанности и такой душевной памяти. Но как это ни прозвучит странно, именно Соломатина была самым близким, хоть и

случайно встреченным человеком. Еще был доктор, Владимир Анатольевич, тот самый врач, хирург, который лечил и опекал Олега в больнице. С ним Федотов поддерживал отношения – звонил, иногда заглядывал в гости. Их разговоры давно носили близкий, почти родствен- ный характер. Однажды после очередного, важного для Олега, повышения Федотов приехал к врачу.

– А его нет. Уже неделю как на работу не ходит, – сказали ему в отделении и добавили: – Вот вы, наверное, близкий ему человек, повлияйте на него.

– А что такое? – удивился Федотов.

– Пьет. Страшно пьет. Как жену потерял, так и пить начал.

– Вот как! – удивился Олег, а потом припомнил кое-какие детали и понял, что доктор пьет давно.

Адрес Федотову дали сразу:

– Поговорите с ним. Мы его прикрываем, жалко, ведь такой врач, такой хирург был! – причитали сослуживцы.

«А что вы сами не влияете!» – разозлился про себя Олег, но, когда увидел жилище врача, все понял. Не каждый войдет сюда, не каждый отважится разговаривать с этим почти опустив- шимся и агрессивным человеком

– Владимир Анатольевич, что случилось? – спросил Олег, пытаясь вызвать на разговор доктора.

– Ничего. У меня давно ничего не случается! – отрезал тот.

Олег, предусмотрительно поставив на предохранитель дверной замок, сбегал в ближай- ший магазин. Затем, засучив рукава и не обращая внимания на проскальзывающие агрессив- ные нотки в голосе доктора, быстро приготовил простую горячую еду. На картошку с тушен- кой Владимир Анатольевич набросился словно зверь. И чай с пряниками пил долго и молча. А потом заплакал.

«Скоты, идиоты и подлецы!» – подумал про себя Федотов. Глядя на грязную квартиру врача, глядя на исхудавшее его лицо, примечая страшные свидетельства запустения, почти социального дна, Федотов вдруг вспомнил модную теорию про лечение алко- и наркозависи- мых. В социальных сетях с подачи модных и ухоженных психологов популяризировалась тео- рия о том, что пьющего человека надо оставить одного. Выгнать из дома, дабы он не мешал здоровым, сменить замки, выставить его с чемоданом на улицу. Мол, тогда либо человек возь- мется за ум и захочет лечиться, либо... Вот про «либо» эти идиоты умалчивали. Федотов, который внимательно прочел полемику по этому поводу, смотрел сейчас на доктора и видел результата вот этого самого «либо».

– Владимир Анатольевич, собирайтесь, вы поедете со мной. В Озерск. Там есть врачи, они вас немного подлечат. А захотите, останетесь там. Хорошие хирурги в Озерске очень нужны.

Федотов в Москве задержался на целых две недели – он устраивал дела Владимира Ана- тольевича.

– Зачем вам это надо? Из-за его квартиры? У него же нет наследников, – спросила его тетка в больничной канцелярии.

– О, вы этим поинтересовались, а состоянием его здоровья – нет, – парировал Олег, а потом зло добавил: – Я доведу до сведения вашего начальства, как вы поступали со ставкой Владимира Анатольевича. Насколько я понимаю, вам выгодно было, чтобы он пил. Деньги вы себе брали?

И, напугав тетку этим своим последним вопросом, Федотов вылетел из кабинета.

В Озерск они прибыли без приключений. Доктор пить не спешил, вел себя тихо и все рассказывал, как умирала его жена.

– Понимаешь, я – врач, а помочь ей не смог! – сокрушался он. Федотов слушал, задавал вопросы, присматривался. «Да это от одиночества и горя. Ему бы помочь немного, и он вернется к нормальной жизни!» – понимал Олег. И весь следующий год он плотно опекал доктора.

– Ты помнишь Инну Соломатину, ту девчонку, которая тебя выхаживала? – однажды спросил доктор.

Они гуляли в парке – Владимир Анатольевич проходил курс лечения и реабилитации, который полностью оплатил Олег.

– Помню, – ответил Олег и даже покраснел. Ему иногда казалось, что встречаться с доктором ему приятно, потому что это какая-то нить, которая приведет к Соломатиной.

– Где она сейчас? Что с ней? Почему вы не вместе? – спросил доктор. И эти вопросы, заданные так просто, с обычным человеческим участием, развязали Олегу язык. Он стал рассказывать обо всем, что его так волновало, о прошлом, о настоящем, о будущем. Доктор слушал, кивал и утешал Олега.

Только поздно вечером Федотов вдруг почувствовал облегчение: «Все нормально со мной. Вот даже доктор не удивился – можно влюбиться вот так случайно и любить долго, помнить всегда...»

Из Озерска доктор все же уехал.

– Спасибо тебе, вытащил меня. Но я должен вернуться в Москву. Там дом, могила жены. В больницу я не вернусь – устроюсь в поликлинику. А сидеть у тебя на шее негоже! Ты и так многое для меня сделал. За что огромная благодарность.

– Да бросьте, вон вы меня ходить научили...

– Я тебя прооперировал, а вот ходить научила тебя Соломатина. Помни всегда об этом. И на крестины позовите.

Но на крестины Федотов доктора не позвал. И Соломатину опять не разыскал. На одном из районных совещаний он случайно встретил Татьяну Юдину.

Татьяна Юдина была некрасивой красавицей. Небольшого росточка, с полными и немного непропорциональными формами. Большая грудь, большая попа, не очень длинные, полные ноги. Лицо было прелестным. Пухлый рот, тонкий нос с горбинкой, глаза большие, серые. Все это производило приятное впечатление, но больше всего очаровывал смех – гортанный, завлекающий. Когда Татьяна начинала говорить, она непроизвольно повышала голос и как бы захлебывалась эмоциями. Она притягивала взгляды, заставляла прислушиваться к себе. Женщины завистливые не могли не отметить ее привлекательность, мужчины, все как один, чувствовали ее сексуальность.

Татьяна была уроженкой этих мест – деревня неподалеку от Озерска была ее родиной. В городе она сначала работала директором клуба, потом Центрального дома творчества, затем перешла в районную администрацию, на должность руководителя отдела. Все без исключения говорили, что ее карьера – это результат романа с одним из руководителей области. Но так говорят всегда, когда женщина умеет работать и поднимается по служебной лестнице. Таня ничего не отрицала, но и ни с чем не соглашалась. Она добросовестно работала и хотела выйти замуж. Федотова она заметила давно. Олег был красив мужской сильной красотой, хромота в глазах Татьяны была достоинством.

Их знакомство началось с лопнувшей сардельки.

– Господи, – застонала Татьяна, когда жирный сок брызнул из-под копченой шкурки.

Был перерыв, и все, кто присутствовал на совещании, пошли обедать в местное кафе.

– Да, не повезло, но плюньте, – посоветовал Федотов, видя как убивается Татьяна из-за пятна на шелковом шарфе.

– Да, легко сказать, – покачала головой Юдина и тут же рассмеялась. Смеялась она замечательно – все повернули голову в ее сторону. Федотов неожиданно для себя отметил это обстоя-

ятельство. Почувствовав вдруг мужскую гордость от того, что рядом с ним красивая женщина, Олег, наклонившись к Татьяне, тихо сказал:

– Я вам куплю точно такой шарф.

– Не купите, – так же склонив голову к Федотову и так же тихо ответила Юдина, – он из Италии. Сама привезла, на последние деньги купила.

Федотов закашлялся:

– Гм, тогда конечно...

– Да ладно, пятно – не страшно. Шарф – не платье, его можно так повязать, что пятна видно не будет.

– Ну да, – пробормотал Федотов. Когда говорили о женских темах – одежда, обувь, украшения, – он совершенно терялся. Все его прежние немногочисленные знакомые-подружки, отношения с которыми были вялыми и непродолжительными, никогда ничего с ним не обсуждали. А Федотов иногда даже не мог вспомнить, какого цвета платье на ком было.

Вернувшись домой после совещания, Федотов еще пару раз вспомнил Юдину и разговор с ней. «Приятная», – отметил он про себя. Потом еще несколько раз вспомнил про пятно на шарфе и неожиданно подумал, что хорошо бы в Италию съездить. Федотов из-за ноги почти не путешествовал. Раз только побывал в Турции, но просидел большую часть времени на террасе с книжкой. Плавать он ходил в мелкий бассейн, вечерами, когда уже никого не было вокруг. Причиной этому опять же была больная нога. Изувеченная, она была некрасива, и дети, играющие вокруг, неизбежно обращали на нее внимание. После этой поездки Федотов убедил себя, что лучше отдыха с удочкой на дальнем берегу озера ничего не придумаешь. Но разговор с Татьяной, ее смех заставили его вдруг подумать, что он живет в каких-то шорах, искусственном загоне. Весь вечер он, бездельничая, прослонулся по квартире. Что было совершенно не характерно для него – Федотов, если не работал, то тогда читал или решал математические задачи, находя в этом успокоение. Но встреча с Татьяной слегка покачнула весы, и математические задачи на какое-то время оказались заброшенными.

Телефон зазвенел, Олег посмотрела на него и совершенно точно уже знал, что это Татьяна. Он даже не удивился, откуда у нее мог быть его телефон.

– Олег, представляете, а пятно отстиралось! – раздалось в трубке, и Федотов улыбнулся. Значит, есть телепатия и предчувствие.

– Я рад, поскольку шарфик вам идет. И жаль память об Италии пачкать.

– Это хорошо вы сказали, – серьезно произнесла Татьяна и совершенно спокойно добавила: – Я сейчас за вами заеду, отвезу к себе, и вы отремонтируете мне лампу.

– Какую лампу? – вот сейчас Федотов удивился.

– Да какая разница какую. Найдем какую-нибудь, – прозвучал ответ.

Олег рассмеялся – все становилось легким, простым и шальным. А это было контрастом его жизни – строгой, тяжелой, правильной.

– Согласен, – ответил он и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Потом уже, после поцелуев, объятий в темноте спальни, Олег спросил:

– Ты всегда так решительна?

– Нет, – спокойно ответила Татьяна, – только в таких случаях, когда надо спасти человека.

– А меня надо спасать?

– При чем здесь ты? Это меня надо спасать, – ответила Юдина, – а ты спасатель. Помни об этом.

Они стали жить вместе. Город – сослуживцы, соседи, знакомые – кости перемывали долго. Кто-то пытался предупредить Олега – мол, Татьяна – женщина с прошлым. Но, видимо, так должно было случиться – они пересеклись в одной точке и остались вместе.

Через год совместной жизни Федотов сказал:

– Таня, ты извини, но предложение я тебе не сделаю. Я не хочу, не могу жениться.

– Как знаешь, – пожала плечами Юдина, – мне и так хорошо.

Правду ли она говорила, он не понял, да и не очень и старался. Нравилась ли Татьяна Олегу? Ну да, видимо, нравилась. С ней было легко, спокойно, она не удивлялась и не обижалась, если Олег уезжал в свою избушку на дальнем берегу озера и жил там неделю-другую. Татьяна не задавала вопросов о прошлом, о будущем, к настоящему она относилась с пониманием и благодарностью.

Татьяна заволновалась один раз – когда в Озерске появилась Инна. Город маленький, Федотов и Юдина – фигуры заметные, слухи множатся. О том, что на строительство и в ресторан Федотов ездил с молодой, симпатичной женщиной, Татьяна узнала сразу. Но вопросов не задала, только постаралась быть рядом, пока не утихли разговоры, а таинственная незнакомка не покинула город. После они прожили сравнительно тихое время. Каждый в душе что-то таил, но внешне они были вполне благополучной парой и даже строили совместные планы. До тех пор, пока Федотов не сказал, что хочет уехать из Озерска.

Глава вторая

Решение

Необходимость принять решение наступает всегда. Вряд ли человек отдаст в этом себе отчет, но поступки его продиктованы именно желанием определиться.

Прилетев из Осло и встретившись с Олегом в Шереметьево, Инна Соломатина сказала: «Я тебя не отпущу!» Это было ее решение. Тогда Федотов посчитал нужным расстаться с Татьяной. Это было уже его решением.

Но если для Инны главным было продекларировать намерения, для Олега, как для всякого мужчины, важным было представлять, как на деле будет происходить их воссоединение.

Олег прекрасно понимал, что в Озерск Инна не поедет. И еще он понимал, что неправильно будет лишать ее любимой работы, возможности заниматься наукой, наконец, летать. А значит, именно он должен изменить свою жизнь, чтобы они наконец оказались рядом друг с другом. И всякий нормальный человек перед тем, как принимать такие сложные решения, задает себе вопрос: а настолько сильно мое чувство? Люблю ли я этого человека настолько, чтобы отказаться от теперешней жизни и вступить на путь переезда?

Уехав от Татьяны и поселившись в гостинице, Олег той же ночью отправился к озеру и, глядя на блестящую темную воду, задал себе этот вопрос. Он старался не думать о прошлом, а вспоминал тот момент, когда увидел Инну в Шереметьево. Как вдохнул запах ее волос, как слушал ее, смотрел на ее лицо. А вспомнив все это, без малейших колебаний сказал себе: «Да, ради нее я изменю свою жизнь!»

Вернувшись в отель, он разделся, наспех принял душ и лег спать. Спал он крепко, и нога, которая частенько побаливала ночью, его даже не беспокоила...

Молва, что Федотов уезжает, разнеслась мгновенно. Город загудел. Не так много новостей обычно было в жизни Озерска. К тому же Олега Федотова знал почти каждый. Для одних это был символ жизненной стойкости, терпения и мужества. Для других – пример прекрасной карьеры, а для третьих Федотов был почти неудачником. Эти немногие считали, что Федотов пренебрег талантом математика, пошел по легкому пути, вертится около начальства и вообще разменял научную карьеру на чиновничество, забывая, что начинал он со строительной площадки. Татьяну обсуждали тоже. Как ни странно, не жалели. То ли помнили, что она сама проявляла активность в отношениях, то ли долго завидовали им.

Когда Олег подписал все бумаги, когда уже состоялись все неизбежные беседы в кабинетах, которые начинались со слов: «Ох, темнишь, в Москву на теплое место едешь!», Федотов позвонил Татьяне.

Как будто бы и не было той ссоры и грубых ее слов, Олег сказал:

– Через несколько дней я уеду. Квартиру свою буду продавать, а ключи от дома на озере отдам тебе. Вдруг захочешь отдохнуть там.

Юдина помолчала, а потом сказала:

– Прости. Это было несправедливо и по-скотски. Но я не ведала, что говорю.

– Но ты же сказала правду. Вернее, ни слова неправды, – усмехнулся Олег, – да, я уезжаю из-за женщины. Да, калека. Да, должен был тебе дать больше, но не смог. Ты прости меня. Но если я сейчас это не сделаю, я не сделаю этого уже никогда.

– Хорошо. Будешь в Озерске, дай знать. Все же... – Татьяна запнулась.

– Все же мы неплохо жили, – закончил фразу Олег.

Татьяна молчала, и Федотов понял, что она плачет. Он выключил телефон. Федотов уже ничем не мог ей помочь.

В Москву он переехал налегке – не тащить же в самом деле мебель и постельное белье с посудой. Два чемодана с одеждой, сумка с мелочами и коробка с книгами – все это он погрузил в вагон. Когда за окном замелькали пригороды, Федотов облегченно вздохнул. До последнего момента он, похоже, не верил в собственную решительность. Олег не боялся работы и даже не задумывался о том, что в Москве карьеру начинать сложно. Он знал, что всегда найдет заработок. «В конце концов, школьников и студентов буду натаскивать! – думал он. – А это небольшой, но верный кусок хлеба. Да и учителем математики можно пойти». Конечно, амбиции были другие – хотелось не терять определенного статуса, хотелось положения. Но если вдруг... Одним словом, к «вдруг» Олег был готов. Сомнения, которые вдруг одолевали его накануне отъезда, были совершенно иного толка.

И все же из памяти не шло брошенное Татьяной: «Калека!»

Олег привык к себе самому, он совершенно не стеснялся взглядов и научился жить с больной ногой. Но теперь наступала иная пора – ему предстояло завоевать любимую женщину.

Он начинал, наверное, самую большую в своей жизни авантюру – отношения с женщиной, которую знал давно, любил, но с которой даже не целовался. Федотов не задумывался о таких вещах, как совместимость характеров и темпераментов. Он считал, что подобных преград на их пути не будет. Он сомневался только в одном – не услышит ли он от Инны когда-нибудь это некрасивое слово «калека».

Когда наступила ночь и поезд, основательно разогнавшись, плавно покачивался на рельсах, Федотов уснул. Он устал думать о будущем – жизнь все сама расставит на свои места.

Поселился Олег у доктора. Владимир Анатольевич, пополневший и посвежевший, несказанно обрадовался: он был очень одинок – новой жены не нашел, а детей не было. А Владимир Анатольевич был душевным человеком, любящим дом. А потому он окружил отеческой заботой Олега. Федотов заранее написал доктору, объяснил, что перебирается в Москву, и просил разрешения немного пожить в его квартире. Олег знал, что не стеснит Владимира Анатольевича. «Заодно и развлеку его, проконтролирую и, если что, помогу ему», – думал Олег.

И все случилось так, как надо – доктор встретил Олега на вокзале, радовался, суетился, но вопросов не задавал. Только когда они сели за накрытый по-праздничному стол, Владимир Анатольевич спросил:

– Ты в Москву навсегда? Или как получится?

Олег усмехнулся:

– Как получится – мне нельзя. Мне навсегда надо.

– Что-то случилось? – встревожился доктор.

– Случилось. Давно. И вот только теперь руки дошли.

– Неужели Соломатина?! – воскликнул доктор.

– Да, мы решили, что хватит по городам бегать. Надо вместе жить.

– И кто же первый так решил? Она или ты?

– Инна. Надеюсь, она как следует подумала.

– Ты эти глупости брось! – сказал доктор. – Она – умная. И не девочка маленькая. Если она сама об этом заговорила, значит, обо всем подумала. Поэтому даже не сомневайся. Иди вперед. Напролом. Не теряй времени.

Доктор разгорячился, встал, заходил по кухне. Он почувствовал причастность к важному событию, к судьбе близких людей. История Соломатиной и Федотова казалась ему очень романтической, заслуживающей счастливого конца. Да и эти ребята были славными, и относился он к ним по-отечески. Доктору все время казалось, что Соломатина и Федотов школьники.

– Я полон решимости, – пошутил Федотов. Ему стало неловко – столько восторга было в голосе Владимира Анатольевича.

– Да, кстати, – доктор помялся. – А вы вообще-то... Ну... понимаешь... между вами что-то было? Черт, Олег, ты спал с ней?

- Нет, между нами ничего не было. Вообще. Никогда.
- Ха, ну вы даете! Столько лет! И ни разу. Может, ты ее не любишь? И вообще, может...
- Владимир Анатольевич, все нормально. Мы оба считаем, что отношения только начнутся. Понимаете, у нас как бы не было прошлого. Мы начнем с начала. Встречи, разговоры...
- Все-таки я не понимаю, зачем ты приехал в Москву? Почему ты не позвал ее в Озерск? Там же у тебя положение, работа, заработок. У тебя там квартира. А что здесь? Что ты ей здесь можешь предложить?
- Пока нечего. Но со временем...
- Со временем тебе будет лет сто. И никакая жена тебе не нужна будет. И ей никто не нужен будет. Зачем столько времени терять?!
- Она не поедет в Озерск. Я же это понимаю. У нее здесь карьера. Она же сейчас летает, стюардессой работает.
- Это ей зачем? Она же врач! Да еще с такой специализацией!
- Вот и изучает поведение людей и изменения в психике в условиях профессиональных стрессовых ситуаций.
- Гм, – доктор задумался, – то есть ты приносишь в жертву свою карьеру.
- Никакой жертвы, – поморщился Олег, – просто в Озерске тесно и... сложно...
- Ах да, Татьяна... Хорошая женщина, кстати. Мне она понравилась. Тебя любит. Дом тебе создала. У тебя же не было никогда дома.
- Зачем вы мне это сейчас говорите? – спросил Федотов.
- Затем, чтобы ты как следует подумал. Ты способен изменить жизнь так, чтобы пострадавших было как можно меньше?
- Я вообще не хочу, чтобы все страдали. Но, видимо, без этого нельзя. Вернее, не получается.
- Доктор в ответ вздохнул:
- Не обижайся. Я за вас с Инной волнуюсь. Вот ведь странно – у меня столько больных было, столько людей перед моими глазами прошло! А вот вы запомнились. И остались. И так получается, что никого роднее и ближе нет. Хотя и виделись мы с вами редко. И, казалось, жизни такие разные. Но вот случилась со мной беда – ты помог, вытащил меня. Я, по-моему, так и не сказал, как благодарен тебе!
- Владимир Анатольевич! Перестаньте, – нахмурился Олег.
- Все-все, не буду! Не сердись на меня только! Так скажи, как же ты планируешь все сделать?
- Федотов помолчал. На первый взгляд его отъезд был спонтанным. Переселение в другой город, уход с работы были рискованным мероприятием. Но это только на первый взгляд. Те, кто знал Федотова, могли догадываться, что за годы работы в Озерске Олег оброс нужными связями, в том числе и московскими. И связи эти он поддерживал. Олег не ленился интересоваться жизнью и делами других людей. Он считал нужным помогать людям и оказывал эту помощь без какого-то умысла. И так получилось, что в Москве у него было достаточно много знакомых, которые могли прийти на помощь. К тому же Федотов относился к тем людям, о которых большинство знакомых отзывается хорошо. Ровное благожелательное поведение было ли тому причиной или умение быть бескорыстно полезным – неизвестно. Факт остается фактом, Федотов не имел близких друзей, но имел знакомых, готовых прийти на помощь.
- Я воспользуюсь старыми связями. Надеюсь, помогут.
- А если нет? – поинтересовался доктор.
- Сам пробуюсь, – выпятил подбородок Федотов. И Владимир Анатольевич ни на минуту не усомнился в его словах. «Пробьется», – мысленно согласился он, а вслух сказал:
- Так пока живешь у меня – вон целая комната свободна. И слушать ничего не хочу! Сколько надо! И еще, – доктор замялся, – если надо – живите с Инной!

Федотов рассмеялся и обнял Владимира Анатольевича – так трогательно прозвучало это предложение.

Соломатиной он позвонил через две недели после приезда в Москву. К этому времени он переехал от доктора. Олег снял небольшую, но новую квартиру. Хозяева, молодая пара, уезжали в командировку и попросили Федотова:

– Деньги бросайте нам на карту, берегите мебель и не затопите соседей.

– Я буду осторожен, – ответил Олег.

Затем Федотов убрал квартиру, купил на Арбате картину и под конец столкнулся с невероятно тяжелой проблемой – выбором постельного белья. Он около часа бродил вдоль разноцветных наволочек и простыней, пока продавщица не сказала ему:

– Возьмите белое. Обычное белое белье. Белое – это элегантно.

«Правильно! – мысленно согласился Федотов. – Хуже нет любовных утех на веселеньком ситчике».

Дома он сам убрал квартиру, съездил в магазин, купил продуктов, шампанского, вина и пару коробок конфет. Нагружая пакеты, он почувствовал себя юнцом, собирающимся соблазнить подружку.

Когда быт был устроен, Федотов позвонил Инне.

– Ты в Москве?

– Нет, – почему-то рассмеялась та, – я в Питере. Нас нелетная погода туда занесла. Но послезавтра я уже буду дома.

– Увидимся? Я тебя встречу?

– Конечно. Я тебе сообщу время прилета, – Инна опять рассмеялась.

– А почему ты смеешься? – спросил Олег.

– Наверно, потому, что мы кажемся очень смешными, – ответила Инна.

– А-а-а, – протянул Олег.

– Обнимаю, до встречи, – сказала Соломатина.

– Я тоже, – запнувшись, произнес Федотов. После разговора он попытался чем-то занять себя, но не смог, и вечер закончился банальным лежанием на диване и мыслями о будущем.

Глава третья

Про знакомых, друзей и подруг

Первым, к кому Олег обратился в Москве, был Знаменский Валериан Петрович. Знаменский занимал высокий пост в комитете по озеленению города. И хотя это звучало не очень солидно, посвященные люди знали, что деньги здесь крутятся немалые. К тому же озеленение – там, где строительство, где благоустройство, где инновации в городском хозяйстве. Одним словом, Знаменский был персоной важной, сознавал это и, наверное, потому Олега не принял. Вернее, он на бегу, переложив тяжелую папку из одной руки в другую, поздоровался, сказал две ничего не значащие фразы и был таков.

– Валериан Петрович, когда время у вас будет? Я в Москву перебрался, посоветоваться с вами надо, – как-то по-детски заторопился Олег.

– Не знаю, звони, сейчас столько всего... – махнул Знаменский.

Олег заметил, что на лице секретарши выразилось нетерпение.

– Да, спасибо, – сказал Федотов и вышел из приемной.

На улице он некстати вспомнил, как Знаменский покупал участок земли и охотничий домик в Озерске. И тогда Федотов не только помог советом, но и выделил своего человека, который возил Валериана Петровича по округе, консультировал, поил-кормил и вообще опекал.

«Ну, я же не ради будущей помощи это тогда делал, – одернул себя Федотов, – я делал это, потому что Знаменский попросил помочь ему».

Олег по своему опыту знал, что неудача не может быть причиной остановки, а потому сразу же набрал следующий номер телефона.

– Ольга Матвеевна, это Федотов. Олег Федотов из Озерска. Я в Москве, можно к вам в управление подъехать?

– Можно, – прозвучало в ответ, и Федотов мог ручаться, что Ольга Матвеевна Селиверстова рада ему.

Селиверстова была заместителем начальника отдела в одном московском строительно-монтажном управлении Москвы. Как и со Знаменским, Олег познакомился с ней в Озерске. Ольга Матвеевна приехала договориться о контрактах на строительство комплекса и еще двух небольших объектов. Федотов долго спорил с городским начальством – в Озерске были свои строительные организации, и контракты им были ой как нужны. Но начальство имело свои отношения с Москвой, а потому Селиверстова уехала с подписанными бумагами. Несмотря на открытое противодействие со стороны Олега, отношение Селиверстовой к нему было благожелательным.

– Я все понимаю, и на вашем месте я бы тоже защищала местные интересы, – сказала она ему. В дальнейшем они с Селиверстовой уже общались в рамках исключительно деловых, и общение это было приятным. Ольга Матвеевна была исполнительным, честным и требовательным партнером. Как-то она ему сказала:

– Мне бы вас в отдел!

Федотов поблагодарил ее и сейчас, когда планировал жизнь в Москве, решил позвонить.

– Олег, как же я вас рада видеть! Надолго ли вы к нам?

– Постараюсь навсегда, – отвечал Федотов и коротко рассказал свою историю, исключив из нее личные мотивы.

– Подозреваю, тут без женщины не обошлось, – сказала проницательная Селиверстова. Федотов улыбнулся.

– Знаете, вот кому-кому, а вам я очень хочу помочь, – Ольга Матвеевна вздохнула, – но я сама сижу на краю стула. У нас начальство задумало реорганизацию. Ну, и сами понимаете, штат сократят, пенсионеров уволят, а я давно уже на пенсии.

– Вы отличный специалист! – сказал Федотов. – И у вас опыт.

– Да, у меня опыт, – вздохнула Селиверстова, – я вам как-нибудь расскажу. Это просто смешно, как иногда случайность становится стержнем жизни.

– Я думаю, что это очень интересно будет послушать, – улыбнулся Федотов.

– Я понимаю, вам надо зацепиться, поэтому истории будут позже. К сожалению, к нам устроить я вас не могу. Давайте сделаем так: я буду спрашивать знакомых, вы же рук не опускайте, ходите, звоните, записывайтесь на собеседования. Поймите, знакомства в Москве – дело важное, но иногда они бесполезны. Вот мой домашний телефон, вот мой адрес – в любое время, в любой ситуации я вас жду. Переночевать, пожить... Если нужны деньги – говорите сразу, не вздумайте делать долги в незнакомых местах. Я ничего вам не обещаю, но сделаю все возможное. Вы уж простите, голубчик...

Федотов даже растерялся от той теплоты, которая звучала в голосе Селиверстовой. Она была честна с ним и, похоже, она была тем человеком, на которого можно было рассчитывать.

– Спасибо вам огромное, – поблагодарил он Селиверстову.

За этой встречей последовало несколько нерезультативных звонков – люди отказались встречаться, сославшись на перманентную занятость.

Дома Олег составил еще один список московских знакомых. Теперь его провинциальная уверенность в людях несколько поколебалась.

На следующий день он встречал Инну. Сочетание хромоты, трости, хорошей фигуры и нежных цветов делало его образ еще более притягательным. Когда он появился среди встречающих, дамы, все как одна, оглянулись на него.

Олег Федотов стал красив. Вот так неожиданно из интересного мужчины он превратился в красивого. Наверное, это были признаки возмужания, а может быть, сказывался настрой – Москву надо было завоевать, и в лице и облике читалась решимость. Провинциальной мягкости и неторопливости, милого спокойствия как не бывало. От Федотова исходила сила, окружающие не могли этого не чувствовать.

– Какой ты... – Инна появилась неожиданно из-за спины Олега.

– Какой? – растерялся тот, продолжая держать букет.

– Я за тобой наблюдала. Ты – очень грозный. Но спокойный.

– Тебе показалось, – рассмеялся Федотов, – я добрый.

– Добрый и грозный, – сказала Инна и отобрала цветы у Олега, – это, надеюсь, все-таки мне.

Федотов расхохотался.

– Скажи, ты же устала после перелета?

– Нет, что ты, из Питера лететь – взлет и сразу посадка. А после Дели мы отдыхали в Питере. Шел циклон, Москва не принимала.

– Да, здесь и дожди, и ветер такой был, – сказал Федотов, но, по правде говоря, в своих хлопотах ничего не замечал, даже непогоды.

– Знаешь, я очень голодная, ничего не успела перекусить. Да и там, в Питере, тоже все больше спала.

– Господи, конечно, мы с тобой поужинаем, и я... – Федотов замялся, – все тебе расскажу.

– Не пугай меня только, я хочу, чтобы твои рассказы были обнадеживающими.

– Я никогда не буду тебя пугать.

Они зашагали к выходу, но в этот момент Инну кто-то окликнул.

– Варя! – Инна схватила Федотова за рукав. – Олег, знакомься, это Варя Мезенцева. Это моя напарница и подруга. Я ее очень люблю.

– Очень приятно, Олег. – Федотов улыбнулся сероглазой девушке.

– Мне тоже, я много хорошего о вас слышала, – сказала та. И эта фраза прозвучала мягко и ласково.

«Они меня обсуждали!» – понял Олег и покраснел.

– Инна, я лечу с другим экипажем, вот только что сказали. А потом, когда вы вернетесь из Аргентины, мы опять полетим вместе.

– Жаль, но мы же с тобой созвонимся? – Соломатина поцеловала Варю.

– Да, конечно.

Когда Олег и Соломатина уже сидели в такси, Инна сказала:

– Вот Варька такая несчастная, а пожалеть ее нельзя. Не получается.

– Почему же?

– А она счастливая в этом своем несчастье. Представляешь, и так бывает, – вздохнула Инна.

Обедали они в каком-то невзрачном ресторане. Федотов очень приблизительно знал рейтинг московских заведений. И потом, сейчас главным был разговор.

– Инна, ты понимаешь, что я уехал из Озерска? – спросил он, когда принесли весьма посредственный кофе.

– Кажется, понимаю, – ответила Соломатина.

– Я сейчас продаю квартиру там. Стоит она по московским меркам копейки, но все же это деньги.

– А город у вас классный. Стоит на таком озере. Со временем недвижимость у вас будет дорого стоить.

– Да, но мы же с тобой собираемся жить в Москве, – возразил Федотов.

Соломатина отставила чашку.

– Ты это точно решил? – спросила она серьезно.

– Что именно? С тобой жить? Или в Москве жить?

– Со мной жить... Наверное, меня это больше волнует.

– Мы же с тобой говорили: мы начинаем все заново. Слушай, я это не могу объяснить, у женщин лучше получаются обоснования таких поступков, но что-то мне подсказывает, что ты сама все понимаешь.

– Конечно, понимаю. Только нам нужно время – мы же все-таки изменились с тех пор.

– Но не настолько, чтобы не целоваться, – рассмеялся Олег. Он взял руку Инны и поцеловал ее ладошку. Она хихикнула:

– У тебя борода.

– Нет у меня бороды, у меня щетина.

Они еще долго просидели в этом кафе, вызывая недовольство ленивых официантов, которые были больше заняты своими мобильниками, чем посетителями.

– В Озерске все кончено. Ты понимаешь, о чем я, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Олег, – и остальные дела завершены. Я сейчас ищу работу в Москве. Понимаю, что надо было делать иначе. Сначала найти работу...

– Практичнее – да, делать так. Но когда еще не сожжены мосты, и человек не осознает важность результата, – заметила Соломатина, – а сейчас ты все поставил на карту.

– Ты права, – согласился Федотов, и на миг ему стало страшно – он на съемной квартире, те небольшие сбережения, которые есть, закончатся, а работы нет. «Господи, – подумал Федотов, – мне ли, детдомовцу, этого бояться!» Вслух он сказал: – Инна, ты же понимаешь, я могу и не добиться того, чего я достиг в Озерске, но я всегда смогу быть учителем математики.

Соломатина посмотрела на него.

– Отличная профессия. И я это говорю совершенно серьезно.

После этого они решили, что серьезных разговоров на сегодня хватит. Что можно посмеяться, подшутиться и предаться воспоминаниям. Инна рассказывала забавные случаи, которые происходили в полете, Олег – про Озерск, про свою новую съемную квартиру, про доктора Владимира Анатольевича, у которого он гостил.

– Он хотел видеть нас обоих – старик одинок.

– Он совсем не старик, – возразила Инна.

– Нет, он хорошо выглядит. И не пьет. Но ему много лет. Инна, мы же с тобой давно-давно знакомы.

– Надо его навестить. – Соломатина вдруг расхотела предаваться воспоминаниям. Она подумала, что пора думать о будущем.

– Я все же устала. А отдыха у нас всего три дня, потом – в Аргентину, – улыбнулась она. – Проводи меня домой.

Федотов посмотрел на нее, но ничего, кроме утомления, не увидел на ее лице.

– Тебе не тяжело дается эта работа? Ты же говорила, что будешь стюардессой, пока собираешь материал. Неужели еще недостаточно? – спросил Федотов.

– Знаешь, я привыкла к этому графику. Мне нравится летать, все-таки когда еще удастся посмотреть мир.

– А как же научная работа? – удивился Олег. – Ты не боишься, что усталость не даст тебе сосредоточиться на диссертации?

– С чего ты это взял? Все же у меня не один и не два выходных в неделю. У меня есть возможность поработать.

Олег заметил некоторое недовольство в голосе и поторопился загладить свою неловкость:

– Знаешь, я наверное, по себе сужу. Я однажды на стройке подрабатывал. Деньги были нужны, а тут еще сессия как раз. Так вот, я так уставал, что совершенно забросил учебу. И вроде оправдание было. Хотя, понимаю, сравнение глупое. Я был студентом.

Федотов смешался. Он чувствовал, что рассердил Инну.

– Конечно, тяжело, но я же понимала, на что иду. И потом, я хочу собрать интересный материал, но по заказу он не попадается.

– Да, понимаю. Извини, я вмешиваюсь не в свое дело. Больше не буду, но просто беспокоюсь за тебя.

Федотов смешался. Соломатина помолчала, а потом сказала:

– Знаешь, я, конечно, напишу эту работу. Но пока мне очень нравится летать.

Инна хотела еще что-то добавить, но Олег опередил ее:

– Да-да, конечно, тебе виднее.

Оба они почувствовали себя неловко. Федотов сделал вид, что что-то ищет в телефоне. Соломатина молчала, потом произнесла:

– Не переживай, все хорошо. Я же понимаю, ты от души. И еще, я хочу, чтобы ты знал. Я ведь не просто так тогда тебе позвонила. И я хочу тебе сказать, я не сомневаюсь. Ни в чем. Я точно знаю, что мы делаем все правильно. Но надо пройти весь путь. А на это потребуется время и силы. И обижаться мы будем, и не понимать друг друга. Ведь мы вроде бы друг друга знаем, а вроде бы и нет.

– Удивительно, но мне кажется, что я тебя очень хорошо знаю.

Соломатина рассмеялась:

– Федотов, я целую жизнь прожила, и как же при этом не измениться?!

Федотов улыбнулся:

– Ну, наверное, ты все-таки права. Мы – другие, – решительно произнес Федотов, – но я с тобой согласен – это все не так важно. Важно, что мы сейчас вместе.

– Да, только мне выспаться надо, – зевнула в ладошку Соломатина и тем снизила пафос его слов.

У подъезда Федотов поцеловал ее в губы.

– Спокойно ночи, родная, – сказал он.

– До завтра, – ответила она и вошла в дом.

Дома Федотов разложил бумаги и блокноты – выписывал нужные телефоны и имена. Он просматривал документы, бумаги, сметы. И хотя прямой пользы от этого занятия не было, он упрямо листал толстые папки. Федотову казалось, что цифра, чертеж, пояснение натолкнут его на нужную мысль, повернут его поиск в нужном направлении. После встречи с Соломатиной он хорошо осознал степень риска и сложность поставленных задач. И расхожая фраза «Было бы желание, а в Москве всегда можно найти работу!» его не успокаивала. Олег Федотов хотел не просто работу. Он хотел работу, которая ему бы нравилась и которая могла обеспечить их семью.

Инна Соломатина, войдя в дом, побросала в прихожей вещи, свою форму кое-как повесила на стул, приняла душ и забралась в постель. Она устала, но на душе было замечательно. Засыпая, она думала о том, что впереди у нее много хороших и скорее всего счастливых дней. Что ее ждет Олег. Что теперь у нее есть почти все, что нужно для счастья – здоровье, живые родители, любимая и интересная работа и мужчина, который готов за нее бороться. «А еще у меня есть подруга Варя Мезенцева. И она такая трогательная и хорошая», – напоследок подумала Соломатина.

На следующий день Олег встречался с Беклемишевым Сергеем Геннадьевичем. Тот работал на Каланчевской площади в одной из крупных строительных компаний. Олега он встретил радушно:

– Рад, очень рад. Как там в Озерске? Слышал о назначении, уже вступил в должность?

– Озерск нормально поживает. Да, назначение было, а вот в должность не вступил... –

Олег хотел добавить, что и не вступит, но суеверно промолчал.

– В отпуске? После отпуска приступишь?

– Нет, я не в отпуске. Я собираюсь перебраться в Москву...

По сути, он уже и перебрался в Москву, но что-то останавливало его от того, чтобы сказать полную правду. Наверное, в глубине души он боялся, что ему посочувствуют, как сочувствуют человеку в безвыходном положении.

– В Москву? Насовсем?

– Да, обстоятельства...

– Что? С назначением «динамят»? – предположил Беклемишев.

– Нет, здесь личные обстоятельства.

– Не сработался с руководством? Что-то с этим вашим комплексом у озера?

– Да нет же, говорю, исключительно личные мотивы. Я бы сказал, семейные...

– О, Татьяна? – улыбнулся собеседник.

Федотов про себя подумал, что москвичи просто неприлично любознательны.

– Ну, в каком-то смысле и Татьяна тоже. – Федотов боялся, что лишнее слово вызовет шквал новых вопросов, да и их с Соломатиной отношения не каждому объяснишь.

– Черт, история, – потер подбородок Сергей Геннадьевич, потом всколыхнулся: – Так, давай кофейку, коньячку, а уж потом про дело.

Не успел Федотов оглянуться, а на боковом столике уже стояли чашки, рюмки, тарелочки с закусками.

– Так, сейчас хлебушка нам Тиночка принесет, и можно подкрепиться.

– Тиночка? – почему-то переспросил Олег.

– Господи, у моей помощницы имя Альбертина. Не могу же в самом деле так ее звать!

– Интересное имя, – улыбнулся Федотов, потом решительно сказал: – От коньяка я откажусь, кофе с удовольствием выпью. Спасибо. Но мне еще надо поговорить с вами. Я ищу работу в Москве. Понятно, можно устроиться на невысокооплачиваемую, но если учесть, что мне надо начинать с нуля, то хотелось бы что-то по моим силам. А сил у меня предостаточно, сами знаете. Вдруг в вашей епархии что-то есть, или знакомые ищут специалиста такого плана?

Федотов намеренно выпалил все разом – боялся, что опять посыплются мелкие вопросы.

Беклемишев тем временем задумчиво ломал принесенный Тиной хлеб, потом поднял крошечную рюмочку и произнес:

– Так, за встречу!

– За встречу, – ответил Олег, символически отпивая.

– Ну, а вообще, жизнь в городе поменялась? Все-таки такой комплекс открываете. Я бы сказал, градообразующий!

– Наверное, поменялась, – задумчиво ответил Олег. Он никогда не задумывался о том, какая жизнь была в Озерске. Сколько себя помнил, всегда там жил.

– Это хорошо, – с аппетитом закусывал Сергей Геннадьевич.

– Да, думаю, хорошо, – согласился Олег.

– А жизнь, она должна идти вот так, – Сергей Геннадьевич ткнул указательным пальцем в потолок, – а не вот так... – И показал на землю.

– Я вот тоже так считаю, – с затаенной иронией произнес Олег, – так как, можно рассчитывать на помощь? Поспрашиваете, подумаете?

Беклемишев допил кофе и вздохнул:

– Ну, сразу скажу, у нас нет ничего. Поспрашиваю в смежных компаниях. Но Москва такое место, где все предпочитают своих.

– Да, я не свой и знакомых у меня немного, – усмехнулся Олег, – но я умею работать и я упрямый.

– Да знаю. – Хозяин кабинета озабоченно посмотрел на часы. – Звони, а я буду иметь в виду.

Олег вышел на Каланчевскую площадь. Три вокзала, связка дорог, гремящие электрички, пробегающие по высокому мосту. Эта часть Москвы была пугающей. И дело было не в шуме. Дело в людях, которые встречались Федотову, пока он шел к метро. Привокзальные места – эти скопления бомжующих людей – отпугивали грязью и безысходностью. Только что Олег сидел в кабинете Беклемишева, там было свежо и еле уловимо пахло дорогим мужским парфюмом. Помощница Альбертина была хороша собой и деликатна. Кофе, который она принесла, был отменным, коньяк – дорогим. Там, на десятом этаже огромного здания, была совсем другая жизнь. И Федотов заподозрил, что Беклемишев если и знает что-нибудь про жизнь внизу, не очень-то себя утруждает размышлениями. Федотов же испугался перспектив. Ему показалось, не найди он работы в ближайшее время, то очутится здесь, среди этих несчастных.

Большой город – страшная штука. И внешняя роскошь, и драйв, и заманчивые перспективы – все это ловушки, обманки. Надо быть зрелым, опытным человеком, чтобы не угодить в них. Надо быть таким, как Федотов, – человеком с опытом работы и деловых взаимоотношений, чтобы реально воспринимать возможности города. К тому же поведение людей в условиях относительной анонимности могло отличаться безответственностью. Это в Озерске или в любом другом маленьком городе все знали друг друга, если не лично, то через третьи руки. И поступки людей были на виду, и от репутации многое зависело. В Москве, многомиллионном городе, молва терялась среди людей, и анонимность была на руку людям нечестным и необя-

зательным. Олег Федотов не обольщался насчет Москвы и методично обходил знакомых по своему списку, чтобы выполнить намеченное.

Самолет в Буэнос-Айрес летел с промежуточной посадкой в Мадриде. В Испании пассажиров пересаживали на машину аргентинской компании, и обслуживать их должен был аргентинский экипаж. Но в силу того, что подобные рейсы были открыты недавно, ряд российских сотрудников пригласили помочь аргентинским коллегам. Соломатина, как уже опытная бортпроводница, вошла в состав смешанного экипажа.

– Инна, ты сообщи, как только будешь на месте. Сначала из Мадрида, потом из Буэнос-Айреса, – просил ее Олег. Он приехал провожать ее в аэропорт. Они стояли на виду у всех, мимо пробегали коллеги Соломатиной, с интересом оглядывая Федотова.

– Я обязательно тебе позвоню. И напишу, – говорила Инна. Ей было приятно, что Олег не поленился приехать ни свет ни заря. Что он привез маленького медвежонка. Сувенирчик был смешным, Соломатина сразу чмокнула его в нос.

– Классный какой! Спасибо.

Федотов зарделся, – он стеснялся этого своего шага. Соломатина растрогалась еще больше. Она поняла, что Федотов боится выглядеть провинциальным.

– Это отличная идея, у всех наших есть талисманы. Вот теперь и у меня будет. – Инна улыбнулась, встала на цыпочки и поцеловала Федотова.

– Береги себя. Вернешься, а у меня уже все будет в порядке, – сказал Олег.

– Ты, пожалуйста, не переживай. Ты не представляешь, как часто я была без работы! А вот сейчас... – успокоила его Инна.

– Я не переживаю. Просто быстрее хочется все сделать.

– Сделаешь, – Инна улыбнулась, – мне пора. Действительно пора.

Она повернулась на каблуках и скрылась в служебном помещении. Через два часа ее самолет взмыл в небо.

Пока самолет набирал высоту, Инна сидела на своем месте и думала о том, что очень приятно, когда провожают, и особенно, когда встречают. Она сотни раз была свидетелем этих трогательных сцен. Аэропорт – он, она, цветы, объятия и поцелуи. Она сотни раз видела, как соскучившийся муж обнимал жену, дарил букет, усаживал в машину. И жена (а, может, подруга или любовница) радовалась, не сводила с мужчины глаз. Иногда Инна очень завидовала этим людям. А сейчас, прислушиваясь к реву двигателей, она неожиданно подумала об обманах. Почему в голове возникла эта мысль, Соломатина не могла сказать. Но она явственно представила, что эти мужья и жены, примчавшиеся с букетами к трапу самолета, вчера, будучи холостыми, всю пользовались своим положением. «Вчера они могли знакомиться в кафе, флиртовать на улице или спать со своими любовниками. Сегодня они – любящие мужья и жены», – думала Инна и представила, что Федотов, оставшись один в Москве, возвращается к привычной жизни в Озерске или знакомится с симпатичной незнакомкой. Откуда и отчего у нее вдруг появились эти мысли, Соломатина не понимала, но впервые она почувствовала ревность и беспокойство. До этих пор она даже не думала об этом. Во-первых, она не была ревнива, во-вторых, у них с Федотовым был самый лучший период отношений. Тот, когда никого в мире больше не существует. И даже то обстоятельство, что между ними когда-то была юношеская влюбленность, не имело никакого значения. Их «взрослые» отношения начинались только сейчас.

Погасло табло «Пристегнуть ремни», пассажиры оживились, стали доставать планшеты, кто-то встал размять ноги. Напряжение первых минут полета сходило на нет – все привыкли к гулу двигателей и к облакам за окном. Для Инны и ее коллег начинался самый напряженный момент. Толкая тележку с баночками и бутылочками, Соломатина не переставала думать о Федотове. Вся эта история их почти детского знакомства, влюбленности, редких встреч потом

и теперешнего романа ей показалась надуманной, искусственной, вымученной. Ей захотелось сойти с самолета, чтобы срочно позвонить Федотову и еще раз спросить его: «Как ты ко мне относишься?! А мы не зря все это затеяли?! У нас есть будущее?!» Она понимала, что вопросы дурацкие, что ответ на них даст только время. Страх и отчаяние охватили ее – так высоки были ее ставки и так много надежд было связано с Олегом. Только сейчас, в небе, не имея возможности броситься к нему за поддержкой, она запаниковала.

– Что с тобой? – тихо спросила ее напарница. – Заболела?

– Нет, все хорошо, – покачала головой Инна. Ей очень хотелось быстрее оказаться в Мадриде, чтобы позвонить Федотову.

А Федотов в это время поднимался по широкой и помпезной лестнице офиса еще одного строительного управления. Адрес и телефон одного из руководителей дали ему еще в Озерске. Пару лет назад один из проверяющих стройку на берегу озера обратил внимания на то, как Олег объясняет причину небольшой аварии. Не пытаясь выдать происшедшее за случайность, Федотов тогда спокойно пояснил приехавшей комиссии:

– Если бы мы не сэкономили, этого бы не случилось.

– А что же вы так сэкономили? – ехидно спросили проверяющие.

– У нас не было выхода – стройка в самом разгаре. И какие коррективы необходимо будет внести – сложно сказать.

– А как же план строительства?

– А в планах и сметах предусмотрены подобные происшествия.

Городское начальство, которое напряглось при первых словах Федотова, вздохнуло с облегчением. Получалось, что в их хозяйстве учтено все, даже катаклизмы.

– Вы молодец, – сказали потом ему проверяющие, – не подкопаться. И проблему не скрыли, и денег попросили, и начальство свое не сдали.

– Нам бы такого кризис-менеджера, – посмеялся один из гостей.

Уже потом, в день отъезда, когда было согласовано финансирование остального строительства, ему вручили визитную карточку:

– Вот, если что – обращайтесь. Вдруг надумаете несколько поменять профиль работы, – сказал ему один из проверяющих.

– Спасибо, Евгений Николаевич, я пока здесь нужен, – поблагодарил Олег. Ему и в голову не приходило, что через два года он будет стучаться в кабинет этого человека с просьбой о работе.

Евгений Николаевич узнал Федотова, обрадовался ему, зазвал на обед, а когда выслушал, вздохнул. В этом вздохе Олег услышал отказ.

– Ты извини, хотел бы помочь, но...

– Не стоит извиняться, я же все понимаю, – сказал Олег. Они еще немного поговорили, потом Федотов попрощался.

– Еще раз извини, но, видишь ли, у нас сейчас такая политика nepotизма...

Выйдя из пафосного здания, Федотов заглянул в телефон: «Непотизм, оно же кумовство. Фаворитизм, предоставление привилегий родственникам или друзьям». «Все логично, я же не друг и родственник!» – подумал про себя Олег.

В этот день у него была назначена еще одна встреча. Человека, к которому он сейчас направлялся, он почти не знал. Так, одна встреча в Озерске при трагикомических обстоятельствах. Шпаликов Семен Александрович умудрился утопить в озере свою машину – весенний лед дрогнул под тяжелым внедорожником. Федотов машину не спас, новой не предложил и вообще с этим человеком почти не был знаком. Но Федотов слышал, как этот человек сказал: «Что машина! Машина – ерунда! Куплю новую. А вот хорошего инженера у меня увели – это вот беда!» Кто-то вслух подивился такой выдержке и хладнокровию – человек машины

лишился, а он про кадровый вопрос! Кто-то переглянулся, а Федотов просто запомнил, что столичный гость знает цену хорошему инженеру. И сейчас Олег направлялся к Семену Александровичу, не имея никакого представления, есть ли вакансии в его ведомстве.

Шпаликов встретил Олега несколько удивленно – он его узнал, но вроде бы они ничем не были связаны между собой.

Федотова это устраивало – он понимал, что хуже нет быть должным кому-то. Люди частенько раздражаются при виде тех, кто им когда-то помог. В этом психологическом казусе Федотов пытался разобраться, но ответа пока не нашел. Со Шпаликовым, мужчиной простым и прямолинейным, Олег говорил коротко:

– Семен Александрович, простите, я без звонка и без предупреждения. Я буквально на пять минут.

– Это хорошо, я страшно занят, – откровенно ответил Шпаликов.

– Я переехал в Москву. Ищу работу. Хотелось бы найти по своим способностям, умению и опыту. Может, у вас что-то есть подходящее. Скажу откровенно, деньги меня интересуют, но я понимаю, что начинать надо с малого.

– Правильно понимаете. А вот, что в Москву перебрались – это глупость сделали. В Озерске вы были величиной. Фигурой. На вас строительство города держалось. Никто это вслух не говорил, но все понимали. Там бы вы еще большего добились бы. Что вас сюда привело?

Федотов растерялся. Он не захотел говорить Шпаликову об Инне.

– Обстоятельства.

– Обстоятельства, – повторил Шпаликов, – ну, это только предлог. А привело вас сюда желание жить в столице. Ну как же, Москва, возможности. Финансовые потоки. Только я вам скажу, что поздно вы сюда приехали. Раньше надо было. Или вообще не стоило.

– Вы думаете? – растерялся Федотов.

– Уверен. Что вас тянет в эту призрачную столичную жизнь? Думаете, что добьетесь здесь признания? Умоляю вас. Здесь уже столько таких, что несть им числа. Вы, приезжающие сюда, – как те щепки. Да-да, именно щепки, – Шпаликов порадовался точному слову, – для растопки. Знаете, не дрова, не поленья, толстые, сильные, крепкие. Они тепло дают, они греют. Вы все – щепка! Сгорите – сами не заметите и другие не заметят. А поверх вас дрова лягут, солидно, тяжело, и гореть будут медленно. И свет дадут, и тепло, и вообще жизнь.

Шпаликов поставил локти на стол, положил подбородок на сцепленные замком ладони, в упор посмотрел на Федотова:

– Возвращайся в Озерск. Там надо жить. И там работать. А здесь нечего делать.

Федотов молчал. Семен Александрович прищурился:

– А коль приехал – иди работать на наших условиях.

– И куда вы посоветуете? – пытаясь быть ироничным, поинтересовался Федотов. Он был в бешенстве от такого приема. Скулы его покрылись красными пятнами, большая нога дрожала, рука, сжавшая трость, побелела.

– Да хоть куда. В школу иди. Вот тут есть одна, за углом. Там у них педагоги так и бегут. Вот иди туда. И вообще, в бюджетники иди. Найди себе дело, которое нужно, но за которое почти не платят! Понимаешь, ты сюда приехал не баблом грести, ты сюда работать приехал.

– Я вас понял. Спасибо за совет. – Олег поднялся и пошел к выходу.

– Да, кстати, знаешь, почему ты сбежал из Озерска? – вдогонку почти прокричал Шпаликов. – Я тебе скажу. Ты просто устал работать. Понимаешь, вкалывать устал. А в маленьком городе ты на виду. И дел там полно. И чтобы до Москвы дорасти, вам там надо и день и ночь трудиться. Что, слабо? Жизни с трюфелями охота. А потому ищешь место, где сядешь ровно. И штаны твои дорогие серые залоснятся через полгода...

Федотов вышел в приемную, секретарша тут же уткнулась в бумаги. «Она все слышала!» – подумал Олег. Он пересек комнату и вежливо попрощался.

На улице Федотова оглушил шум машин. «Псих! – подумал он о Шпаликове. – Идиот, неврастеник и псих!» В это время зазвонил телефон.

– Олег, скажи, ты же меня любишь? Ну, вернее, ты же... мы же... Господи, я что-то так распсиховалась, – тараторила Соломатина, которая только что приземлилась в Мадриде, – я так волновалась, я боялась, что ты передумаешь. И сбежишь в Озерск!

– Глупая, – ответил ей Федотов, – я никуда не сбегу. Я жду тебя в Москве. И я нашел себе работу.

Через неделю Олег Федотов был принят в одну из московских школ преподавателем математики.

Глава четвертая

Педагогика – дело серьезное

Собственно, соврал он Соломатиной от отчаяния. Шпаликов его окончательно выбил из колеи. Мало того, что знакомых московских телефонов у него не осталось, мало, что его преследовал страх неудачи, так еще этот хамоватый мужик орал и нес какую-то ерунду про поленья и щепки. Конечно, Олег понимал суть разговора, но это было так по-книжному, по-киношному. Олег разозлился – да кто он такой, чтобы орать?! Ладно – высказать мнение, но орать и почти оскорблять?! Звонок Инны был некстати – Олег не успел отойти от этой встречи, но, услышав тревогу, почти слезы в ее голосе, все понял. Кроме друг друга, их некому поддерживать. И если не будут этого делать, ничего у них не получится. Не бог весть какая оригинальная мысль, но в этот момент она отрезвила Федотова и придала ему сил. «Да пошел он к черту, этот Шпаликов! Не его это дело, куда и зачем я приехал!» – подумал он и принялся успокаивать перепуганную Инну. Соломатина охнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.